

А.А. Кабылкова (Полоцк, Полоцкий колледж ВГУ)

**ЮРОДИВЫЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН
В ТВОРЧЕСТВЕ В.Н. КРУПИНА 2000–2010-Х гг.**

Издревле в христианской традиции юродство было одним из внутренних аскетических подвигов. Это были подвижники во имя Иисуса Христа, отказавшиеся от жизненных благ, по собственной воле принимавшие на себя вид безумцев. Для православных это путь отречения от всех благ

мирской жизни. Под видом юродства человек часто совершал гражданские подвиги, показывая несправедливость, говоря правду в глаза сильным мира сего. Модель поведения юродивых обличает не всегда праведную жизнь общества. Но это поведение не выглядит негативным, так как, по православной традиции, юродивый обладает особой связью с Богом. Основой юродства становится идея пренебрежения своим мирским обликом и достоинством во имя Господа.

В настоящее время существует ряд исследований, посвященных феномену юродства в русской культуре. Пытаясь найти ответ на вопрос, что есть юродство, Г. П. Федотов выделяет «фундаментальные принципы», на которых оно зиждется: аскетическое поправление тщеславия, всегда опасного для монашеской аскезы; служение миру своеобразной проповедью, «которая совершается не словом и не делом, а силой Духа, действующей под личиной безумия и проявляющейся в прозорливости и в исполнении пророчеств» [6, с. 19]; презрение к миру и ко всем условиям обычного человеческого существования, следование идее уничтожения и кенозиса Христа; движение к безумию, имеющее свое основание в словах апостола Павла («Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумен, чтобы быть мудрым» [6, с. 19] и др.); юродство как результат выявления противоречия между глубокой христианской правдой и поверхностным здравым смыслом. С.А. Иванов считает, что юродивый — это человек, который «публично симулирует сумасшествие, прикидывается дураком или шокирует окружающих нарочитой разнузданностью. Но это определение необходимо еще сузить: разного рода экстравагантность может быть названа юродством лишь в том случае, если ее свидетели усматривают за ней не просто душевное здоровье или сугубую нравственность, а еще и некую особую мотивацию, отсылку к иной реальности» [1, с. 91]. Д.С. Лихачев и А.М. Панченко связывают феномен юродства со «смеховой культурой» Древней Руси, считают, что «юродивый, подобно актеру, нуждается в аудитории. Цель юродственного зрелища заключается в том, чтобы обличать мир, погрязший в грехах, обновлять вечные истины, оживлять страсть. Оно противостоит рутине. Юродивый, по словам авторов, «шалует» с той же целью, что и ветхозаветные пророки» [4, с. 24]. А.М. Панченко сущность данного феномена православия раскрывает так: «Пассивная часть его, обращенная на себя, — это аскетическое самоуничтожение, мнимое безумие, оскорбление и умерщвление плоти, подкрепленное буквальным толкованием некоторых мест Нового Завета: «Аще кто хочет ко мне ити, да отвержется себе» (Мтф. XIV, 24,25). Активная сторона юродства заключается в обязанности «ругаться миру», т.е. жить в миру, среди людей, обличая пороки и грехи сильных и слабых и не обращая внимания на общественные приличия» [4, с. 79].

О.А. Мартиросян в диссертации «Юродство в русском литературном сознании» отмечает, что «в литературе можно проследить генетические корни типов юродивых, трансформация которых произошла закономерно в

персонажах И.С. Шмелева (юродивые «Христа ради»), Б.А. Пильняка (юродивые «справедливости ради», юродивые «от революции»), А.П. Платонова («душевные бедняки»), В.М. Шукшина («чудики»)) [5]. В последнее десятилетие В.Н. Крупин также обращается к феномену юродства на Руси. В его творчестве, на наш взгляд, находит отражение «психологический аспект феномена юродства «Христа ради», заключающийся в соединении в нем различных форм протеста (против общепринятых норм поведения, против власти, против человеческих грехов и пороков), игру на публику с целью привлечения внимания и манипуляции» [5].

В сборнике «Ввысь к небесам: история России в рассказах о святых» Крупин обращается к нескольким образам юродивых. Рассказ о первом из них — Василии Блаженном — он начинает с пояснения, какой тип юродивого в центре его внимания: «Юродивые — люди, взявшие на себя добровольный отказ от всех радостей жизни, кроме одного — служения Христу. Это люди, презревшие довольство, блага и удобства жизни, не имеющие, по примеру Христа, места, «где главу подклонить»» [2, с. 199]. Описание жизни юродивого дается по традиционной схеме жития: необычное рождение (на паперти церкви), исключительность поведения в детстве (случай с предсказанием смерти купцу), подвижническая жизнь, полная богоугодных поступков, описание подвига юродства, смерть в глубокой старости и посмертные чудеса. Для максимальной стилизации под жанр древнерусской литературы писатель использует инверсию («Изумился царь, понимая, что справедливо его обличил Василий» [2, с. 204], «Лицо его стало воистину ангельским» [2, с. 206]), устаревшие лексемы («сне», «посему», «житие» в значении «жизнь», «истинно» в значении «действительно»), цитаты из Священного писания. Также Крупин стремится максимально полно реализовать графический потенциал текста: отдельные части рассказа оформляются курсивом, хотя цитатами из другого источника не являются. Такие части воспринимаются как элементы летописного или другого более древнего текста, что акцентирует внимание именно на их содержании. Образ одного из самых почитаемых русских юродивых в сборнике В.Н. Крупина представляется максимально полным за счет синтеза элементов традиционного жития и современных средств художественной выразительности (понятные эпитеты, сравнения).

Следующим в галерее образов юродивых становится образ Ксении Петербургской. Писатель также обозначает тип юродства: «Ксения не сошла с ума, не была безумной. Она взвалила на себя тягчайший крест юродства ради Христа» [2, с. 276]. Ксения Петербургская жила в XVIII веке, поэтому особенная стилизация под древний текст не была первозадачей Крупина. Он не продолжает традицию синтеза жития и современной литературы, использованную при описании жизни Василия Блаженного, но оставляет за собой право на выделение курсивом отдельных фактов. Кроме того, текст дополняется многочисленными диалогами, что делает образ юродивой более живым, приближенным к читателю. Личность Ксении Петер-

бургской, ее жизнь всегда вызывали особый интерес Крупина. К этому образу писатель обращался и в более ранних произведениях. Можно провести параллель между образом святой и Александры Григорьевны Резвевой (повесть «Люби меня, как я тебя», 1998 г.). Ксения Петербургская жила двумя веками ранее, была в браке с придворным певчим полковником Андреем Федоровичем (первая любовь Александры — монах Андрей). Святая рано овдовела, то есть лишилась мужа, — аналогично и Александра потеряла возможность быть женой «светлому, Божьему человеку», как она сама характеризовала уже отца Андрея. Ксения Петербургская совершила «подвиг юродства». Убежденный, что «самое страшное для человека — то, что о нем не будут помнить» [2, с. 282], Крупин стремится максимально полно изобразить нравственную красоту и чистоту юродивой, чтобы как можно дольше сохранить память о ней в сердцах православных.

Кроме обращения к образам прошлых лет, Крупин замечает юродивых и в современном обществе. В рассказе из сборника «Время горящей спички. Рассказы о церкви» «Конец связи» перед читателем предстает странный мужчина: «Сразу было видно, что у него что-то с психикой» [3, с. 119]. Герой видит себя неким диспетчером, который должен следить за обстановкой на Ярославском вокзале. В рассказе Крупин не затрагивает религиозную тематику, он просто описывает этого необычного «сотрудника» вокзала. Писателя привлекает одна очень важная для него черта характера: особая добросовестность и ответственность. И пусть всем понятно, что мужчина на вокзале явно болен, что его действия не имеют никакого смысла, но его отношение к придуманному же им делу вызывает восхищение Крупина. За внешней «чудоковатостью» кроется что-то «настоящее» и, возможно, большее, чем у многих из тех, кто абсолютно адекватен в поведении. Герой «четко, спокойно, обстоятельно» [3, с. 120] выполняет свою воображаемую работу, ключевой фразой которой становится «Конец связи». Писатель использует это коротенькое предложение 5 раз, причем последний раз это реплика не героя, а нарратора. Странный обитатель вокзала не говорит лишних слов, не отвлекается на суету вокруг, а просто отдает себя целиком «порученному» делу. Внешнее юродство подчеркивает внутреннюю красоту персонажа. Крупин использует антитезу: «Все вокруг суетились, ссорились, раздражались, толкались — он же нес службу» [3, с. 120]. И невольно возникает вопрос: а кто же юродив, неполноценен, странен: добросовестный «диспетчер» или суеящиеся люди вокруг? В.Н. Крупин с горечью отмечает, что современное общество построено так, что непонятым, юродивым будет тот, кто живет с верой в свое дело, весь отдается служению другим, не думая о собственной выгоде.

К галерее образов юродивых можно отнести и образ бывшей учительницы Марии Сергеевны из одноименного рассказа (сборник «Пока не догорят высокие свечи...», 2013 г.). Оставшись на улице одна, не по своей воле, женщина кажется странной, не такой как все. Героиня вынуждена отказать от самых минимальных благ современной жизни, при этом аске-

тично довольствоваться тем малым, что у нее осталось. Мария Сергеевна, бывшая учительница, вынуждена ходить по помойкам в поисках еды и ночевать за бутылку вина в кочегарке у пенсионера Николая. Нищая материально, Мария Сергеевна старается сохранить нравственное богатство. Оставаясь глубоко верующей, женщина не позволяет себе просить милостыню у церкви, так как убеждена, что церкви нужно только отдавать. В саму церковь она не заходит, так как стесняется своего внешнего вида, нечистоты. Мария Сергеевна не жалуется на жизнь, она добровольно уходит из дома престарелых, не приняв грубости подавальщицы в столовой. Героиня смиренно относится к своему нынешнему положению. Единственное, что для нее становится серьезной проблемой, — это нечистота: «Для нее, необыкновенной чистюли в прошлой жизни, телесная нечистота была самым ужасным испытанием» [3, с. 209]. Настоящим новогодним подарком становится встреча с Сергеем Николаевичем Кожемякиным, который приглашает старуху в дом и разрешает ей помыться. На примере семьи Кожемякиных Крупин раскрывает еще одну важную для него проблему: влияние телевидения на современных людей. Писатель считает, что телевидение зомбирует, внушает свои, не всегда верные мысли. Зомбированной была Лора, «а муж, Сергей Николаевич, телевизор не смотрел, поэтому мыслил самостоятельно» [3, с. 211]. В мужчине сохраняется человеческое начало, он способен сопереживать, понимать других людей. Поэтому он помогает Марии Сергеевне. Старуха же дает ему возможность проявить доброту и заботливость о ней, лучшие человеческие качества. Но больше во дворе Сергея Николаевича она не появляется. Женщина благодарна ему за понимание, однако не может себе позволить этим пользоваться. Нишенка с чистым сердцем, не потерявшая свой моральный облик, духовно помогающая другим, глубоко верующая, сочетает в себе черты юродивой и праведницы. Одним из важнейших качеств Марии Сергеевны является смирение. В рассказе «Прошли времена, остались сроки» выражается отношение писателя к этому качеству: «А есть сила — всем силам сила. Какая? Это смирение. Смирись. И победишь терпением» [3, с. 225].

Таким образом, в творчестве Крупина 2000-2010-х годов юродивые активно включаются в систему образов. Юродство предстает как одно из парадоксальных, но в то же время характерных для русской культуры явлений. Свои произведения автор посвящает как канонизированным юродивым, так и непризнанным, являющимися современниками писателя. Проводя параллель между юродивыми прошлых лет и современности, В.Н. Крупин подчеркивает специфику их поведения: юродивый во все времена отделяет себя как от собственного мира, так и от мира вокруг, оба они сливаются для него в одно целое, противостоящее истине, — миру божественному, небесному, единственно олицетворяющему собой подлинный порядок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов, С. А. Блаженные похабы: культурная история юродства. — М., 2005.

2. Крупин, В.Н. Ввысь к небесам : история России в рассказах о святых. — М., 2014.
3. Крупин, В.Н. Время горящей спички. Рассказы о церкви. — М., 2013.
4. Лихачев, Д.С., Панченко, А.М., Поньрко, Н.В. Смех в Древней Руси. — Ленинград, 1984.
5. Мартиросян, О.А. Юродство в русском литературном сознании автореф. дисс.. канд. филол. наук. — Архангельск, 2011.
6. Федотов, Г. П. Святые Древней Руси. — М., 2003.